

Леонид Савельев

Deus, или Пассажиры жизни

Муж на 31 июля

1.

Припарковавшись на обочине, вытянула ручник. Пляж, куда я приехала — дикий, но песчаный и окружённый соснами. Красиво. Машина у меня хорошая, но для переодевания в купальник маленькая. Посетовав на себя, что не надела купальник дома, но сразу же найдя оправдание, что хотела ехать в другое место, где есть переодевалки, покрхтывая, начала снимать шорты. Спустив их до колен, натянула обратно и выйдя за машину спокойно переделась на улице. Взяв подстилку, защитный крем и телефон, пошла по тропинке к Волге.

Середина июня, вода ещё прохладная, и плавать я не собиралась: после холодной воды и мокрого купальника постоянно страдаю циститом, поэтому загорала, накрыв лицо бейсболкой. Народу было на удивление много, как, впрочем, и мата. Вот деятели нашей культуры типа режиссеров и писателей считают, что мат непременно должен

присутствовать в их нетленках для придания им натуралистичности. Народ всех возрастов, и даже дети, разговаривая каждый о своём, упоминают при этом половые органы и совокупление, а мне стыдно. Я лежу, слышу всё это и стыдно мне, а не им. Они говорят в полный голос, ударяя на мат повышением громкости. Семьи с маленькими детьми матерно-нежно называют своих чад, школьники матом признаются в любви своим девочкам, те им так же отвечают. Не выдержала, поднялась, спустилась по берегу вниз по реке подальше от пляжа, от людей, к соснам. Тут под крики чаек можно спокойно загорать и думать. Наверно я становлюсь мизантропом, рядом с этими людьми чувствую себя испачканной, а я чистюля.

Я не успела положить на лицо свою кепку, из воды вышел он. Внизу живота защекотало, давая понять, что секс забыт лишь моим мозгом, но вовсе не природой тела. Как он был хорош! Строен, мускулист, движения грациозны, неторопливы и пластичны. Приняв равнодушный вид, накрыла лицо кепкой, подглядывая из-под неё. Он прошёл рядом, впившись в меня глазами, замедлив шаг, облизнулся, даже приостановился, но, видно, не решившись заговорить, прошёл мимо. Бабочки внизу живота разбушевались, как ночные мотыльки на светлое окно. Поняв, что лежать дальше с таким ноющим внизу ощущением больше не смогу,

решила, что только охладившись в воде смогу придти в норму. Поднявшись, обернулась, добавляя взгляду равнодушие. Он был недалеко, почти в соснах в полутени, стоял рядом с расстеленным полотенцем и вещами и пристально смотрел на меня. Вещи были военными.

Окунаться в воду я передумала, мозг сразу щёлкнул, отрезвив меня и прогнав всех моих мотыльков. И дело не в том, что парень моложе меня лет на пятнадцать, дело в форме. Военный для меня всегда будет лишён сексуальности по причине безмозглости. Этот молодой офицер наверняка хорошо разбирается в точных науках, возможно и эрудит, но выбранный им жизненный путь разрушения, а не созидания, лишил его основной для меня мужской сексуальности — ума. Военный в любом звании, лишь холуй власти, которая, называя его «защитником», с удовольствием посылает убивать в любой уголок планеты, назвав потом посмертно героем.

Но сейчас, впервые после расставания с Артуром я снова начинаю жить и чувствовать. Улыбнувшись себе, снова легла, накрывшись бейсболкой и стала вспоминать мужа. Артур не муж, с ним я была семь лет. Вернее, не с ним, а при нём. Мужа не помню. Лёшу, как говорит свекровь, я любила, но не помню даже как он выглядел, а стараясь вспомнить, вспоминаю не его, а наши

фотографии и видео, которых также уже нет. Память стёрла его, как и не было. О существовании Лёши не помнят и его друзья, нет о нём никаких данных на работе в МЧС, нет ничего и нигде. Всю свою прошлую жизнь я теперь знаю только по рассказам мамы, так я зову свою любимую свекровь. Бывают дни, когда я начинаю сомневаться, не выдумка ли всё это про Лёшу и наши десять лет совместной жизни.

Вот Артур — тот реален, его сложно забыть, но с ним мы расстались навсегда. Расставание длилось весь последний год. Целый год он менялся, уходя от меня в другую картину мира, теперь не я, а деньги, строящийся огромный дом и одиночные путешествия по курортам стали для него главным в жизни. Целый год он с каждым днём относился ко мне все пренебрежительнее, демонстрируя, что наши отношения уже не имеют для него ценности. Жить мы вместе и не жили, даже совместные ночёвки закончились тот же год назад. Артур теперь был всегда очень занят: игра с друзьями в футбол, тренажёрный зал, маникюр и педикюр в салоне, солярий и походы по магазинам занимали всё его время. Откуда брались деньги на дом, поездки, машины и прочие атрибуты-амулеты, мне он не говорил. Он мог часами рассказывать про своего кота, про друзей, соседей, не говоря при этом вообще ничего о себе.

Остановилось все просто и неожиданно. Мы тогда не виделись три дня, я скучала и с трудом удерживалась, чтобы не позвонить ему. Но тут он позвонил сам и пригласил приехать к нему. (Сам он за мной заезжать перестал тот же год назад.) Приехала. Он готовил ужин, это было неожиданно приятно. В духовке запекалась рыба с овощами.

— Танька! Заходи, что ты долго так ехала-то? — улыбаясь, Артур чмокнул меня в щёку. Улыбнувшись в ответ, принялась вынимать рыбки чешуйки из его волос.

— Привела себя в порядок и сразу приехала. Тебе идёт быть в чешуе, ты похож на Ихтиандра, милый.

— Я — он, Танька, и есть. Ненавижу чистить рыбу, всё в этой чешуе проклятой. Короче, я пошёл в душ, ты разбирай постель, сейчас по-быстрому сделаем с тобой «спасибоартур». Я тут на первом пойду, ты в душ сходи на втором этаже, а встретимся в постели, — чмокнув в щёку, развернулся и, не оборачиваясь, ушёл.

Танькой он теперь зовёт меня всегда, а «спасибоартур» — это наш секс, в передразнивании меня после того, как я кончаю. Когда он голый вышел из душа, удивился, увидев меня в кресле, читающей лежавший на столике журнал.

— Ты чего сидишь, Танька? Я же сказал, по-быстрому! Дочь скоро приедет, я вон рыбу ей

приготовил.

— Не хочу так, Артур. Не хочу по-быстрому.

— Ё... Ну тогда, может, погуляешь где, пока?

А вечером встретимся, когда мы с дочкой поужинаем.

— Конечно, Артур, — я встала и направилась к выходу. Мой любимый молча закрыл за мной дверь, не проводив даже до калитки.

Вечером он позвонил, но я не взяла трубку. Мне было не по себе ощущать себя «поди сюда — иди отсюда». Последующие два дня мы не общались. А на третий, проезжая на машине, увидела его выходящим из ресторана с девушкой, нежно обнимающим её за талию. Не находя себе места, я послала ему сообщение с просьбой позвонить мне, когда освободится. Не позвонил. Спустя несколько часов не удержалась, сама позвонила ему, он сбросил, прислав сообщение «не могу говорить, не один», разревевшись и ругая себя за слабость, набрала его ещё раз. Трубку Артур сбросил опять, а через час прислал ещё одно сообщение, поставившее окончательную жирную точку на наших отношениях: «я же сказал: не могу говорить».

Сейчас, когда мою кожу начало пощипывать на солнце, я с благодарностью думала об этом красавце военном, наверняка до сих пор смотрящем на меня из своих сосен. Скинув с лица бейсболку,

поднялась, чтобы начать собираться. Военного не было, но это не огорчило, чувство благодарности к нему осталось. Благодарности за ощущение свободы. Я впервые за долгие годы смогла допустить в мыслях, что смогу заниматься сексом, любить, быть с кем-то, кроме Артура. Этот военный дал мне свободу. Уже сев в машину, я подумала, что, вероятно, нужно с кемто познакомиться, где — я не знала, вероятно, сейчас все знакомства происходят в интернете. Свернув за угол соснового бора, увидела идущего по обочине «своего» военного в тёмных очках, одетого в высокие тёплые ботинки, камуфляжные штаны и тельняшку, в руке он нёс пакет и камуфляжную куртку. Ещё с детства, люди, одетые в армейские тельняшки, вызывали у меня ощущение какой-то клоунады. Военный, улыбаясь, поднял руку, голосуя. Не знаю почему, моя нога сама нажала на тормоз.

— Здравствуйте, барышня! До города не подбросите? Я заплачу.

— Садитесь, высажу вас на въезде в город, платить, конечно, не нужно.

— Спасибо! А я вас видел, вы тоже на реке были... Глаз от вас оторвать не мог, поэтому и ушёл, что вы, накрывшись кепи, меня игнорили. Вас как зовут? Меня — Стас.

Ненавижу такси. Убогие, грязные машинки с дебилами-водителями. Но пользоваться ими иной раз приходится, потому что, вот, как например, сегодня, на дне рождения у Вики — придётся немного выпить. После алкоголя у меня, даже если выпью чуть-чуть, полностью теряется координация, тогда обратная поездка может дорого обойтись моему Porsche. Поэтому и приходится иногда брать такси.

В салоне звучит музыка, негромкая и, как ни странно, не блатная. Но всё равно раздражает. Не люблю иностранную музыку, мне нужно знать, о чём поют.

— Музыку выключи, — сказал я.

Водила скорчил рожу, но переключил канал, теперь звучало разговорное радио. Сообщали, что сегодня ночью Марс приблизится к Земле, что случается раз в пятнадцать лет. Зачем мне этот Марс? Как всё раздражает... Захотелось дать таксёру в морду, но ехать оставалось недолго. Дотерплю. Мы стояли на светофоре. Я чуть приоткрыл окно, и жара с улицы повалила в прохладу салона. Достал сигарету, с наслаждением закурил.

— Вот вам пепельница, затушите сигарету и закройте окно, пожалуйста. В машине не курят.

— Пошёл на хер. Вези молча, оплачу двойной

счётчик, — сказал я. Грубо, конечно, но с такими баранами иначе нельзя. Вот — сказал, и этот жирный лузер заткнулся. Теперь будет себе рулить дальше: за деньги любые правила меняются, уж я-то это знаю как никто другой.

Но проехав светофор, машина остановилась, таксёр повторил, что в его машине не курят и заявил, что дальше меня не повезёт. Мерзкий ушлёпок, халдей, будет меня ещё высаживать! Но тратить себя на это говно не хотелось, да и не то время, чтобы это делать. Швырнул бычок на коврик под ногами, — специально не затушил, — туда же кинул пятисотку вместо требуемой сотни с копейками и, не сказав этому уроду ни слова, вышел, хлопнув дверью.

Конечно, жарко, но не вредно пройтись пешком. Если подумать, мне лучше всего с Танькой, но по закону мужской полигамности, мне просто необходимы перемены. С Танькой мы около семи лет, и ссоры возникают постоянно, часто я сам их провоцирую, чтобы на месяц-два оторваться с другими бабами. С Викой, когда надоест, завяжу и позвоню Таньке, повыпендривается, конечно, но, как всегда, всё вернётся на круги своя, она меня любит.

Бабы приходят и уходят, а дочь остаётся навсегда. Танька, вот, пару месяцев назад ушла, обидевшись, что предложил ей погулять, пока буду

ужинать с дочкой. У неё нет своих детей, и не может она понять, какая это боль, когда подрастающий ребёнок отдаляется от тебя. Самое счастливое время было, когда дочка была маленькой, когда была всегда со мной. До её шести лет я и не предполагал, что это моё самое счастливое время, тогда это казалось вполне естественным. Она любила ездить на мне верхом, всегда называла только «папочка», да, тогда она любила меня. Потом мы разосрались с её мамой и развелись, и Леночка стала жить и взрослеть без меня. Самым тяжёлым для меня был её подростковый возраст. Мои дела в те годы шли не очень, а её мать, руководитель в государственном банке, зарабатывала гораздо больше, чем я, с моими тремя магазинами. Дочь считала меня неудачником и даже не брала трубку, когда я ей звонил.

И вот пару лет назад я решил заняться выращиванием травы методом гидропоники. С запахом первого урожая я понял, что это и есть запах денег и успеха. Сдавая оптовикам, что продавали гидру по граммам, я теперь в день имею столько, сколько раньше — в месяц. После подаренного Леночке на восемнадцатилетие Рамнера, она поняла, что папа нужен, и её любовь ко мне вернулась. Теперь она полюбила приходить ко мне в гости, поболтать и получать каждый раз подарки и деньги. Риски подсесть за траву